

Дети Галактики, или Чепуха на постном масле

Автор:

[Екатерина Вильмонт](#)

Дети Галактики, или Чепуха на постном масле

Екатерина Николаевна Вильмонт

Это книга ни на что не претендует. Она, безусловно, лишь отчасти кулинарная, хотя в ней множество рецептов, но они никак не систематизированы и не объединены ничем, кроме моей жизни и моих личных пристрастий. И мемуарами это тоже не назовешь, ибо все в ней слишком легковесно и субъективно. Так что же это? Пожалуй, наиболее точное определение данного жанра – взгляд и нечто с гастрономическим уклоном. Надеюсь, скучно вам не будет.

Екатерина Вильмонт

Дети Галактики, или Чепуха на постном масле

(Взгляд и нечто с гастрономическим уклоном)

Мы – дети галактики! Это вдалбливалось нам в течение долгих лет. И если принять сие определение за аксиому, то многое становится понятным. Это ведь так удобно! Что нужно детям галактики, субстанции весьма расплывчатой? Все человеческое им не просто ненужно, а прямо-таки чуждо! Ну зачем, скажите на милость, дочерям галактики нужны, к примеру, нормальные лифчики или красная рыба? Перетопчутся, не люди же. А сыновьям за каким чертом нужна собственная машина? Ни на фиг, на ней же в галактику не поедешь! Как-то в 60-е годы я прочла в газете, что вопрос о производстве все тех же пресловутых лифчиков взял на контроль сам председатель Совета Министров Косыгин. Ни

больше, ни меньше. Надо отдать должное Алексею Николаевичу, этот большой вопрос все-таки с грехом пополам решили, но зато сколько было подобных нерешенных вопросов, и если никто кроме премьер-министра не мог с этим справиться, то...

Короче говоря, нас объявили детьми галактики, но мы были скорее детьми дефицита, поистине космического. Но я все же решила назвать эту кулинарно-мемуарную книгу «Дети галактики».

Вероятно, многие люди, постоянно орущие о высокой духовности, меня осудят, но и Бог с ними. Ведь у этих людей, как правило, очень туго с чувством юмора. И нам с ними не по дороге, правда?

Начнем, пожалуй!

«Начнем, пожалуй!». Не случайно я начала эту книгу фразой из оперы. «Евгений Онегин», сцена дуэли. Дело в том, что бабушка, мамина мать, вместо сказок рассказывала мне сюжеты опер, поскольку дед мой был оперным певцом. У меня и сейчас есть его фотографии в роли Германа из «Пиковой дамы». Эдакий красавец в пудреном парике.

Мой дед был оперным певцом, а мне, увы, медведь на ухо наступил...

Отец вместо сказок читал мне Гоголя. «Вечера на хуторе близ Диканьки». Зато мама рассказывала сказки, правда, собственного сочинения. Бесконечную историю двух детей, Лизы и Вовы. Из этих сказок помню только, что там был какой-то пруд, где плавали «утята, утята, утята». Фраза про утят произносилась особенным голосом и сопровождалась щекоткой и моими восторженными визгами. Когда же я подросла и несколько лет болела, мама рассказывала мне сказку про меня взрослую и ничего более интересного придумать было нельзя. Ах, какие захватывающие приключения, какие потрясающие романы у меня там

были... Мама частенько говорила, что если бы не советская власть, она стала бы прекрасной бульварной писательницей. Однако все это лишняя болтовня. И надо поскорее объяснить читателям, почему я вдруг взялась за этот странный жанр.

Недавно за границей я встретила одного старого знакомого, с которым не виделась лет двадцать. Мы сидели, болтали обо всем на свете и вдруг он спросил с некоторой даже тоской:

- Катька, а ты еще печешь те крохотные пирожки? А вареники с вишнями делаешь? А рыбу под бешамелью?

- Нет, - сказала я, - давным-давно не делаю.

- Но почему?

- Некогда, я теперь книги пишу. Правда, в них иногда делюсь рецептами с читателями.

- Ну и дура! - воскликнул он в сердцах.

- Почему? - удивилась я.

- Зачем рассыпать рецепты по разным книгам? Лучше собери их в одну. Вспомни, что готовила, когда, при каких обстоятельствах. У тебя должно получиться занятно.

Тогда я только посмеялась над этой идеей.

Однако через несколько месяцев один молодой кинорежиссер, с которым мы подружились во время тщетных попыток написать вместе сценарий сериала, после обеда у меня посоветовал мне выпустить книгу «Рецепты от Вильмонт». «А почему бы и нет?» - подумалось мне. Сперва я решила, что буду давать рецепты и к ним маленькие рассказы о случаях, связанных с этими блюдами. А потом мне показалось, что куда интереснее, для меня, во всяком случае, проследить, как менялись кулинарные привычки и пристрастия с ходом нашей

достаточно причудливой истории, не претендуя на абсолютную точность, руководствуясь лишь собственными воспоминаниями, ну и воспоминаниями моих друзей-ровесников. Память у меня вроде бы неплохая, поесть в доме моих родителей любили, да и я считаю хорошую вкусную еду одной из радостей жизни.

Предавшись воспоминаниям такого рода, я подумала, что не стану ограничивать себя только кулинарией, вспомню людей, бывавших в нашем доме, друзей, соседей, а также смешные истории. Словом, никаких жанровых ограничений, и посему я выбрала подзаголовок, навеянный Козьмой Прутковым: «Взгляд и нечто с гастрономическим уклоном».

Детские радости

Я родилась в семье литераторов. Мой отец Николай Николаевич Вильям-Вильмонт был крупнейшим советским германистом, писателем и переводчиком. Имена Гёте, Шиллера, Лессинга, Томаса Манна я слышала с пеленок. Мама, Наталия Ман, известная переводчица в основном классической немецкой литературы, переводила и с французского («Лекарь поневоле» Мольера) и с английского (Джек Лондон, Арчибалд Кронин, Сомерсет Моэм). Кстати, с «Лекарем поневоле» связана одна забавная литературная шутка. Мама знала три европейских языка, хотя никогда с французского не переводила. А друг семьи, несравненный Николай Михайлович Любимов, переведший «Дон Кихота», «Гаргантюа и Пантагрюэль», «Декамерон» и многое столь же фундаментальное, никогда не переводил с немецкого. И вот эти корифеи советского перевода решили малость схулиганить. Николай Михайлович, под редакцией которого выходил однотомник Мольера, дал маме перевести «Лекаря», а папа, выпускавший в то же время Собрание сочинений Шиллера, дал Любимову перевести «Коварство и любовь». Николай Михайлович приходил в нашу комнату в огромной коммуналке и они с мамой правили друг друга. Иногда ругались, так как оба были людьми весьма темпераментными, но их неизменно примиряли мамины котлеты, которые Любимов обожал. «Тата, ваши котлеты лучшие в мире!».

Мамина мама.

Я этих котлет тогда в рот не брала и попробовала их лишь лет в восемнадцать, когда помогала маме готовить. Процесс показался мне вполне аппетитным, и я решила попробовать. Это было прекрасно! Воспользуюсь случаем и приведу здесь рецепт, вполне мною усвоенный.

Берем нежирную говядину, белый хлеб, лук, соль и черный перец. Собственно, все вполне обычно. Но... Ни в коем случае не класть яйцо. Лук пропустить через мясорубку. Обязательно добавить в фарш немного воды, можно той, в которой вымачивали хлеб. Хлеба не должно быть много. И в каждую котлету непременно запендюрьте кусочек сливочного масла или кусочек льда! И, разумеется, обваляйте их в сухарях.. Котлеты у вас будут пышные, сочные, пальчики оближете, гарантирую! И не бойтесь, они не развалятся.

Николай Михайлович Любимов, помимо всех своих литературных талантов был человеком весьма остроумным. Чего стоили его дарственные надписи на книгах! Когда после многолетних запретов вышел в свет блистательный Рабле, «Гаргантюа и Пантагрюэль», он написал на подаренном экземпляре: «Шесть лет в непроглядной гослитовской мгле томился великий писатель Рабле, но свеялись тучи с его горизонта, и вот он уже на столе у Вильмонта». На титуле «Мадам Бовари» стояло «Из пушки по потаскушке!». А на томе французского писателя Лану: «Я приравниваю Лану к фиолетовому говну!», и уж не помню на какой книге он написал: «Скотам и хамам, милым Тате и Коле Вильямам, от которых я вместо книг получаю множество фиг!».

И моя мать, и Николай Михайлович были отчаянными матерщинниками, но у них это звучало элегантно и забавно.

Юная оптимистка.

Сын Николая Михайловича Боря, Борис Николаевич, ныне директор Бахрушинского музея, которого я нередко вижу на канале «Культура», как-то в конце 60-х, будучи у нас в гостях, безмерно восхищался песнями Высоцкого. Мы их еще почти не знали тогда. Боря со всем энтузиазмом юности взялся нас просвещать. А поскольку дело было на даче в Эстонии и кассету взять было негде, то он просто сам исполнял эти песни, к великому ужасу и смущению своей мамы Маргариты Романовны. Сказать по правде, вокалистом я бы его не назвала, но именно с его подачи полюбила и в полной мере оценила Высоцкого.

И еще один забавный случай, связанный с Борей. Мы в очередной раз переезжали и Боря был наряду с другими молодыми людьми призван помогать упаковывать книги. Он взялся за дело с завидным рвением, но связки разваливались тут же. Он вздыхал, охал, но потом рассказал, что в армии старшина, поглядев, как Боря справляется с какими-то солдатскими обязанностями, констатировал со вздохом: «Х... цена твоей работе, Любимов!».

Мы жили в гигантской коммунальной квартире. Я в комнате с бабушкой, а родители отдельно. Конечно, я стремилась как можно больше торчать у родителей, но они работали дома и пребывание там я воспринимала как настоящий праздник.

Чтобы войти в комнату, надо было преодолеть высоченный порог. Слева у самого порога стояла голландская печка, возле которой всегда лежали дрова на железном листе. От двух окон вечно дуло, несмотря на двойные рамы, между которыми зимой клали вату. У многих соседей эту вату посыпали мелко нарезанной цветной бумагой. А у нас мама клала мох. Но мне куда больше нравились пестрые бумажные кружочки и ромбики. А у одной соседки вата была посыпана чем-то блестящим, вроде искусственного снега. Соседка была статисткой во МХАТе и заодно стукачкой. Это знали все и опасались ее. У нее первой в квартире появился телевизор, КВН с линзой, и как-то она позвала меня и моего закадычного дружка Сереньку смотреть кино. Как сейчас помню,

показывали «Цирк» Александрова! Моему восторгу не было предела. А когда я призналась родителям, что смотрела кино у тети Саши, они многозначительно переглянулись, и мама сказала:

– Знаешь, мы с тетей Сашей... не в очень хороших отношениях. Ты в следующий раз, если она тебя позовет, поблагодари, но скажи, что...

А папа, перебив маму, хлопнул ладонью по столу и категорически заявил:

– Нечего тебе там делать, поняла?

Разумеется, я ничего не поняла. Но, видимо, что-то поняла соседка. Больше она меня к себе не звала.

При внешней мягкости, папа мог быть весьма категоричным. Помню на даче в Звенигороде я подружилась с девочкой Натэллой. У нее была вполне милая мама и папа-грузин, по словам Натэллы, военный. В Москве мы с Натэллой продолжали дружить, но нам было по семь лет, жили мы довольно далеко и, чтобы мы могли общаться, родители возили нас друг к другу, нечасто, но регулярно.

Однажды после прогулки в Парке культуры с Натэллой и ее мамой, по дороге домой моя мама вдруг сказала: «Знаешь, я не хочу, чтобы ты продолжала дружить с Натэллой». Я, конечно, в рев, как, почему? Мама попыталась объяснить: сегодня выяснилось, что отец Натэллы чекист, он мучал людей, которых посадили ни за что... «Но ведь это он, а не Натэлла!». «Конечно, но если бы вы были взрослые и могли сами общаться, тогда пожалуйста, а я не хочу, чтобы этот человек заходил к нам в дом...». Я ревела, мама увещевала меня, и, придя домой, я кинулась к папе за справедливостью. Выслушав нас обеих, папа вдруг стукнул кулаком по столу:

– Чтобы я больше никогда не слышал об этой птичке-чекичке!

Как ни странно, это подействовало!

Зато к другим соседям я могла ходить сколько угодно. Например, к Сереньке. Его отец, дядя Паша, работал в каком-то гараже и был горьким пьяницей, мать, тетя Шура, огромная громогласная грубая тетка очень меня любила и всегда угощала толстенными пирогами с повидлом, которые я обожала. В их комнате было множество вещей, казавшихся мне ужасно привлекательными. Здоровенная расписная кошка-копилка на покрытом вышитой салфеткой комод. С двух сторон от кошки стояли две узкие вазочки зеленого стекла, в каждой из которых торчало по воценому бумажному цветку. Красота! А на подоконниках стояли огромные банки с домашней горчицей. Тетя Шура сама делала горчицу и всегда наваливала ее столовой ложкой в тарелку дяди Паши. Один раз я попробовала ее, у меня глаза чуть на лоб не вылезли.

«Дети Империи» (мама и ее двоюродный брат).

Холодильников тогда еще ни у кого в квартире не было. Помню, у родителей в комнате стоял диван с двумя тумбами карельской березы, под которыми хранились нехитрые припасы к празднику. Стеклянные банки с мутноватым зеленым горошком и каперсами. То и другое предназначалось для неперменного «гостевого» блюда под названием «Салат». Теперь это называют «оливье», но тогда называлось просто «салат». Что будем готовить на день рождения? Салат. И все понимали, какой. Других просто не знали. Я опросила многих моих ровесников и все вспомнили, что тогда слово «оливье» никто не употреблял, оно прилипло к «салату» примерно в начале восьмидесятых. Хорошо помню, как в семидесятых в Москву из Одессы приехал сын папиного фронтового друга и мой друг со своей женой. И хотя все знали, что данная жена не большой подарок, но мы с мамой решили, что это не наше дело и приготовили ужин по всем законам московского гостеприимства. Стол ломился и среди прочего был и пресловутый салат. Дама, видимо, считала, что есть в гостях – дурной тон и сидела с постным видом. Наконец, мама не выдержала:

– Наташа, да съешьте же что-нибудь, это, наконец, странно!

Та испугалась.

– Спасибо, я возьму немножко «оливье»!

Боже, как мы потом смеялись над ее провинциальной манерностью. Очевидно в Одессе это и тогда называлось «оливье», но в Москве прозвучало по меньшей мере смешно. Друг мой вскоре развелся с той дамой, однако, если она всплывала в каком-то разговоре, то под кличкой «Оливье».

Я «салат» обожала и с ранних лет помогала маме его готовить. Вероятно, у каждой хозяйки есть свой рецепт «салата», как и свой рецепт борща, но я тут приведу мамин рецепт, с годами слегка изменившийся.

«Дети Галактики» (Серенька и я).

Картошка не должна преобладать! Итак, картошка, морковка, яйца, горошек, вареное мясо или курица, или крабы, а можно только овощи. Немного каперсов, зеленый лук, укроп, петрушка. Однажды папу послали на рынок за зеленым луком, но он принес лук-порей. Мы попробовали и с тех пор клали только порей! Все мелко порезать, смешать... Ах да, я забыла про огурцы. Можно соленые, можно маринованные, а можно те и другие и, разумеется, свежий огурчик. В моем детстве свежих огурцов зимой не было, в молодости можно было, например, к Новому году за бешеные деньги купить один маленький огурчик на рынке, «для запаха». Итак, все перемешайте, посолите, добавьте черный перец и обязательно чайную ложку сахара и майонез. Некоторые кладут в салат еще яблоко, но я это терпеть не могу. Кстати, укроп и петрушка тоже позднейшее дополнение.

Я «салат» обожала и с ранних лет помогала маме его готовить. Вероятно, у каждой хозяйки есть свой рецепт «салата»...

В нашей огромной коммуналке на втором этаже хлипкого двухэтажного деревянного дома кто только не бывал! Кто только не перешагивал высокого порога комнаты родителей! Пастернак и Нейгауз, Марина Цветаева, безответно влюбленная в моего отца. Правда, это было до моего рождения. Больше всех в раннем детстве я обожала подругу и коллегу родителей, Надежду Михайловну Жаркову, великолепную переводчицу с французского, остроумную и злоязычную. Большая, яркая, с крупным густо покрашенным ртом и близоруко сощуренными глазами, она любила со мной возиться. Со мной, малявкой, она разговаривала как со взрослой и мне это ужасно нравилось. Она всегда рисовала мне даму с собачкой. Рисовала, как я понимаю, из рук вон плохо, но мне нравилось, что у дамы была всякий раз другая, но обязательно большая шляпа. Папа вечно издевался над нами, а Надя – когда мне исполнилось пять лет, она велела мне говорить ей «ты», что я и делала до самой ее смерти в 1986 году, – только отмахивалась:

– Отвяжись, Колька, надоели мне ваши взрослые разговоры, мне с Катькой интереснее.

У Нади было два мужа, дядя Вова и Боря, Борис Аронович Песис, папин друг юности, великий знаток французской литературы. Эта троица явилась прообразом семейства Хоботовых из «Покровских ворот». Леонид Зорин был соседом Бориса Ароновича по коммуналке у Петровских ворот. И если между Хоботовым и Песисом есть все же что-то общее, то Всеволод Алексеевич и Савва Игнатъич ничуть не похожи, хотя по сравнению с блистательным интеллектуалом Песисом дядя Вова был несколько примитивен. И, конечно, Надя была не чета Маргарите. Кстати, Бориса Ароновича я с пяти лет тоже называла на «ты». Его рассеянность, доверчивость и бытовая неприспособленность были притчей во языцех среди друзей и знакомых. Он вечно все путал, забывал и от этого нередко попадал в смешное положение. Разыгрывать его считали за счастье все. Помню массу рассказов об этих розыгрышах.

Мое первое фото было сделано великим Сергеем Урусевским.

Например, до войны папа, мама и Борис отдыхали в доме творчества в Голицыне. Была зима. Они втроем отправились на прогулку. Мимо проехал газогенераторный грузовичок. В кузове его были две колонки, которые топились чурками. Я таких, разумеется, не видела, знаю лишь по рассказу родителей. Но в то время эти грузовики встречались на каждом шагу.

- Что это у него в кузове? - словно прозрел вдруг Борис Аронович.

- А это бачки с кофе и чаем для заключенных, - не моргнув глазом ответил папа. Все знали, что неподалеку располагается лагерь.

- А, - вполне поверил Песис.

На обратном пути они снова увидели такой грузовичок. Он, видимо, сломался.

- Боря, - сказала мама, - умоляю, попросите у шофера для меня стаканчик чаю. Я смертельно хочу пить.

Он вскипел от негодования и презрения.

- Тата, как вам не совестно! Вы сытая, свободная, сейчас придете в Дом, сядете за стол, будете обедать, и вы хотите отнять глоток горячего питья у несчастных узников! Тата, мне стыдно за вас! Нельзя быть такой эгоисткой. - И все в таком духе.

У папы от смеха сделалась истерика. Он оступился и упал в заснеженный кювет.

- Коля, она у вас нахалка! Лезет в тарелку! Мой Франтик себе такого не позволяет! Он, правда, снимает кусочки с моей вилки, но это другое дело!

И еще одна история про Песиса. Просто жалко умолчать о ней.

Мама и Надя отдыхали в Архипо-Осиповке, и Борис должен был прислать им деньги на последние дни и обратную дорогу. Они ждут, а денег все нет и нет. Они забили тревогу, дозвонились папе, тот выслал деньги и спросил у Бори, в чем дело. Тот, как всегда все перепутал и послал деньги почему-то в Геленджик. Через некоторое время ему приходит телеграмма с Юга: «Жуковой Ольге присудили алименты». И подпись – сестры Акростиловы. Он ничего не понял, возмутился, но решил, что это путаница. Отправился на почту, выяснять. Оказалось, что адрес его, все точно. Только исправили одну букву в фамилии неведомых сестер. Л на Х. Сестры Акростиховы. Но в пылу праведного гнева он на такую чепуху не обратил внимания. Он всюду показывал эту телеграмму и возмущался. А на него смотрели с подозрением и даже слегка презрительно, как на человека, уклоняющегося от алиментов. И лишь когда из отпуска вернулась Надина сестра Ольга, и он показал ей злополучную телеграмму, она чуть не скончалась от хохота:

– Боря, да это Надя с Татой написали вам, что вы жопа!

Надо заметить, что с чувством юмора у него было все в порядке, – он согласился с мнением дам. И рассказывал потом, как строго и недовольно смотрела его начальница, старая большевичка Стасова, похоже, поверила, что он уклоняется от алиментов.

Николай Николаевич Вильмонт.

Бывал у нас и удивительный человек Вильгельм Вениаминович Левик. Большой, громогласный, говоривший немного странно, нараспев. Я в раннем детстве его боялась, потому что он, приходя, хватал меня на руки и поднимал «выше лампы». Виля был не только блистательным переводчиком поэзии, но и одаренным художником. И при этом человеком немного не от мира сего. Родители всегда вспоминали, как на второй день войны он появился на пороге и заявил:

– Товарищи! Потрясающая новость!

Все, кто был в комнате, замерли. Каких новостей можно ждать на второй день войны?

– Я только что узнал! Оказывается, угри из водоема в водоем переползают по суше!

Он был даже отчасти нашим родственником. По кошачьей линии. Его кот Франтик, был первенцем нашей кошки Китти.

Увидев однажды, как Китти утащила прямо с папиной тарелки кусочек мяса, он воскликнул:

– Коля, она у вас нахалка! Лезет в тарелку! Мой Франтик себе такого не позволяет! Он, правда, снимает кусочки с моей вилки, но это другое дело!

Нередко бывал и еще совсем молодой Лев Владимирович Гинзбург, только начинавший тогда переводить. Он всегда считал моего отца своим учителем. Помню как они работали над переводом баллады Шиллера «Хожделение на железный завод». Там были такие страшные строки:

«Печь нажралась и зубы скалит,

Пусть граф рабов своих похвалит!».

И хотя в печь отправили не чистого душою Фридолина, а злодея Роберта, меня все равно кидало в дрожь.

Мама за работой.

Все эти люди и многие другие очень любили у нас бывать, кроме всего прочего потому, что мама была хлебосольной хозяйкой и отменной кулинаркой, хотя и весьма консервативной. У нас в доме всегда как главное блюдо подавали либо жареную телятину, либо дичь: куропаток, рябчиков, тетеревов, глухаря. Я все это любила и до сих пор люблю.

Телятина одним куском жарилась или, как теперь говорят, «запекалась» в духовке. Без кости телятину было не купить. И когда после гостей оставалась большая кость, то остатки мяса аккуратно срезались и из них делалось вполне будничное блюдо «Телятина под бешамелью». Под этой самой бешамелью делали и рыбу. Готовится это так: смазать сливочным маслом сковородку. На дно уложить вареную картошку кружочками. Сверху слой мяса или жареной рыбы, затем тертый сыр и еще раз все то же самое слоями. Далее готовим собственно бешамель: столовую ложку муки обжариваем в сливочном масле до золотистого цвета и перекладываем в широкую кастрюлю, не эмалированную, иначе пригорит. Кипятим пол-литра молока и постепенно вливаем в широкую кастрюлю, стоящую на слабом огне, растирая муку венчиком до получения однородной массы. Снимаем с огня и вбиваем одно яйцо. Солим, перемешиваем и заливаем этой массой рыбу или мясо с картошкой. Посыпаем опять тертым сыром и ставим в горячую духовку до появления румяной корочки. Вкусно до безумия!

У нас в доме всегда как главное блюдо подавали либо жареную телятину, либо дичь: куропаток, рябчиков, тетеревов, глухаря.

Бывала у нас часто мамина подруга Нина Станиславовна Сухоцкая, высокая, красивая женщина необыкновенной доброты. В прошлом актриса Камерного театра, она преподавала во ВГИКе... Мы с мамой тоже частенько бывали у нее в доме рядом с бывшим Камерным театром. Нина Станиславовна была племянницей великой Алисы Георгиевны Коонен. Мама с Ниной дружили с детства и, разумеется, мама была горячей поклонницей Камерного театра, обожала Коонен и у меня среди старых фотографий сохранилось немало открыток с портретами Таирова, Коонен, Церетели. Я была подростком, когда попала на один из последних творческих вечеров Алисы Георгиевны в ВТО. Она играла сцену из «Антония и Клеопатры», сцену из «Федры» и что-то еще, кажется, «Мадам Бовари». Хорошо помню свои впечатления. Сначала я даже немного испугалась: вышла старая женщина в каком-то странном гриме и заговорила, как мне показалось, до ужаса неестественным голосом. Я сжалась,

но через несколько минут забыла о ее возрасте, о непривычном звучании голоса и смотрела, затаив дыхание. Это было, вероятно, первое театральное чудо в моей жизни. Была я еще на вечере, когда Коонен читала Блока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ekaterina-vilmont/deti-galaktiki-ili-chepuha-na-postnom-masle>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)